

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

Обзор дел, рассмотренных Конституционным Судом Российской Федерации

ОКТАБРЬ • 2013

Постановление от 10 октября 2013 года № 20-П по делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 32 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201310150001; дата опубликования: 15.10.2013)

Правовые категории в Постановлении: пассивное избирательное право; институт судимости; обратная сила уголовного закона; конституционно-правовые дисквалифицирующие препятствия для занятия публичных должностей.

Заявители: граждане Г. Б. Егоров, А. Л. Казаков, И. Ю. Кравцов, А. В. Куприянов, А. С. Латыпов и В. Ю. Синьков (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: подпункт «а» пункта 3² статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», как устанавливающий в отношении граждан Российской Федерации, осужденных когда-либо к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений, запрет на реализацию права быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления; положения подпункта «а» пункта 3² статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и части шестой статьи 86 УК РФ в их взаимосвязи — в той мере, в какой на их основании решается вопрос о возможности ограничения пассивного избирательного пра-

ва в отношении граждан Российской Федерации, которые были осуждены к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений и судимость которых снята или погашена; положения подпункта «а» пункта 3² статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и части первой статьи 10 УК РФ в их взаимосвязи — в той мере, в какой на их основании в связи с запретом на реализацию пассивного избирательного права гражданами Российской Федерации, осужденными к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений, решается вопрос о возможности распространения на тех из них, судимость которых снята или погашена, нового уголовного закона, в соответствии с которым совершенные ими деяния не относятся более к тяжким или особо тяжким преступлениям.

Позиция заявителей: подпункт «а» пункта 3² статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» противоречит Конституции РФ, ее статьям 2, 6 (часть 2), 15 (части 1 и 2), 17 (части 1 и 2), 18, 19 (часть 2), 32 (части 1, 2 и 3), 45 (часть 2), 47 (часть 1), 50

(часть 1), 54 (часть 1), 55 и 56 (часть 1), поскольку вне связи с какими-либо конституционно значимыми целями устанавливает пожизненное и безусловное лишение пассивного избирательного права граждан, осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений, независимо от факта погашения или снятия судимости, а также от того, было ли лицо освобождено от реального отбывания наказания, и тем самым вводит дополнительную и не пропорциональную содеянному ответственность, в том числе за деяния, совершенные до введения данного законоположения в действие, придавая ему обратную силу и отменяя презумпцию добропорядочности и невиновности, а также необоснованно ставит таких граждан в неравное по сравнению с другими категориями граждан положение в вопросах реализации пассивного избирательного права.

Подпункт «а» пункта 3² статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» во взаимосвязи с частью первой статьи 10 и частью шестой статьи 86 УК РФ противоречит статьям 19 (часть 1), 32 (части 1 и 2), 54 и 55 (части 2 и 3) Конституции РФ, поскольку эти положения законодательства, не предполагая пересмотра приговоров в отношении лиц, судимость которых снята или погашена, в случае, когда новым уголовным законом совершенные ими деяния не признаются тяжкими или особо тяжкими преступлениями, бессрочно лишают таких лиц пассивного избирательного права.

Итоговые выводы решения: Конституционный Суд признал подпункт «а» пункта 3² статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»:

— соответствующим Конституции РФ в той мере, в какой установленное им в отношении граждан Российской Федерации, осужденных к лишению свободы за тяжкие и (или) особо тяжкие преступления, ограничение пассивного избирательного права, не являющееся уголовным наказанием, может применяться в механизме общеправовых последствий осуждения без специального указания в приговоре в качестве установленного на определенный срок конституционно-право-

вого дисквалифицирующего препятствия для занятия такими лицами выборных публичных должностей после отбывания ими наказания;

— не соответствующим Конституции РФ, ее статьям 3 (части 2 и 3), 15 (часть 4), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 32 (части 1, 2 и 3) и 55 (части 2 и 3), в той мере, в какой им установлено бессрочное и недифференцированное ограничение пассивного избирательного права в отношении граждан Российской Федерации, осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений;

— во взаимосвязи с частью шестой статьи 86 УК РФ не противоречащими Конституции РФ, поскольку — по конституционно-правовому смыслу этих законоположений в системе действующего правового регулирования — предполагается, что сроки вводимых федеральным законом ограничений пассивного избирательного права, по общему правилу, должны устанавливаться соответственно дифференциации сроков судимости, предусмотренных Уголовным кодексом РФ. В исключительных случаях за отдельные тяжкие и особо тяжкие преступления, исходя из повышенной степени их общественной опасности, федеральным законом могут вводиться ограничения пассивного избирательного права и на более продолжительные сроки — с соблюдением конституционных критериев соразмерности и необходимости;

— во взаимосвязи со статьей 10 УК РФ — в той мере, в какой данные законоположения по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, служат основанием для отказа в восстановлении пассивного избирательного права гражданам, которые были осуждены к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений и судимость которых снята или погашена, в случае принятия нового уголовного закона, в соответствии с которым совершенные ими деяния более не признаются тяжкими или особо тяжкими преступлениями, — не соответствующими Конституции РФ, ее статьям 19 (часть 1), 32 (части 1, 2 и 3) и 54 (часть 2).

Мотивы решения. Право избирать (активное избирательное право) и быть избранным (пассивное избирательное право) в органы государственной власти и органы местного самоуправления, будучи элементом конституционного статуса избирателя, является одно-

временно и элементом публично-правового института свободных выборов — в нем воплощаются как личный интерес конкретного гражданина в принятии непосредственного участия в управлении делами государства, так и публичный интерес, реализующийся в объективных итогах выборов и формировании на этой основе самостоятельных и независимых органов публичной власти.

Запрет занимать выборные публичные должности для лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, преследует конституционно значимые цели повышения конституционной ответственности и действенности принципов правового демократического государства, сохранения и надлежащего функционирования публичного правопорядка, предупреждения криминализации власти.

Такое ограничение не относится к мерам уголовной ответственности, поскольку носит не уголовно-правовой, а конституционно-правовой характер и обусловлено повышенными репутационными требованиями к носителям публичной (политической) власти.

Подпункт «а» пункта 3² статьи 4 оспариваемого Закона не позволяет проследить между совершенным преступлением и дальнейшим запретом на занятие любой выборной публичной должности иную связь, кроме предположения о том, что лицо, когда-либо осужденное к лишению свободы, недостойно осуществлять публичные властные и управленческие функции. Между тем нелIMITированное по времени ограничение федеральным законом пассивного избирательного права не может быть оправдано одним только фактом судимости — такое ограничение, по смыслу статей 32 (часть 3) и 55 (части 2 и 3) Конституции РФ, допустимо лишь как временная мера.

Бессрочное же лишение гражданина права быть избранным, притом что к пожизненному лишению свободы он не приговорен, в нарушение статей 3 (части 2 и 3), 15 (часть 4), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3) Конституции РФ превращается в отмену пассивного избирательного права, что недопустимо.

Соразмерность ограничений пассивного избирательного права предполагает не одно только исключение бессрочности запрета на его реализацию. При наличии определенного, достаточно продолжительного, срока ограни-

чения данного права соразмерность должна обеспечиваться не за счет одного лишь его законодательного распространения на категории тяжких и особо тяжких преступлений, но и посредством индивидуализации назначаемого судом наказания. Такое регулирование само по себе совместимо с требованиями статей 32 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции РФ и в силу соответствующего предписания Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» означает необходимость его применения без специального указания на то в приговоре.

Принцип соразмерности предполагает, что сроки такого ограничения должны устанавливаться Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» с учетом положений уголовного закона, определяющего преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия.

Абстрактные предписания статьи 15 УК РФ (устанавливающей в качестве критерия разграничения тяжких и особо тяжких преступлений только максимальный срок наказания) не создают препятствий для реализации принципов равенства, справедливости и соразмерности в уголовном праве, поскольку предполагается, что суд, рассматривая уголовное дело, руководствуется как этими, так и другими положениями Кодекса и с учетом всех обстоятельств дела в рамках предоставленной ему дискреции назначает наказание, соразмерное совершенному преступлению.

В отличие от уголовного наказания, которое может быть назначено только по приговору суда, меру в виде ограничения пассивного избирательного права суд не назначает. Такое ограничение является «автоматическим» последствием приговора, а потому и его соразмерность должна обеспечиваться дифференциацией в зависимости не только от категории преступления, но и от характера и степени его общественной опасности, обстоятельств совершения и личности осужденного.

Рассматривая оспариваемые положения в связи с институтом судимости (ст. 86 УК РФ), Конституционный Суд в *Постановлении от 19 марта 2003 года № 3-П* указал, что су-

димость, в первую очередь, это уголовно-правовой институт, который имеет значение для целей реализации уголовной ответственности. За пределами уголовно-правового регулирования судимость приобретает автономное значение и влечет за собой общеправовые последствия. В таких случаях возможные ограничения прав (в том числе связанные с занятием публичной должности), не будучи уголовным наказанием, являются общеправовым последствием судимости, а потому сроки, на которые они вводятся, по общему правилу, должны соответствовать срокам судимости. Вместе с тем в порядке исключения, вопрос о сроках может быть решен в федеральном законе иным образом — с учетом предмета регулирования и при соблюдении критериев разумности и соразмерности.

Исходя из этого, положения подпункта «а» пункта 3² статьи 4 оспариваемого закона и части шестой статьи 86 УК РФ в их взаимосвязи — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — предполагают в качестве общего правила, что сроки вводимых федеральным законом ограничений пассивного избирательного права как общеправового последствия судимости должны устанавливаться соответственно дифференциации сроков судимости, предусмотренных Уголовным кодексом. В исключительных случаях за отдельные тяжкие и особо тяжкие преступления, исходя из повышенной степени их общественной опасности, федеральным законом могут вводиться ограничения и на более продолжительные сроки.

Согласно части первой статьи 10 УК РФ уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость.

Анализируя оспариваемые законоположения в связи с нормой об обратной силе уголовного закона, Конституционный Суд указал, что часть первая статьи 10 УК РФ — как рассчитанная на применение только в целях реализации уголовной ответственности, то есть в пределах уголовно-правовых последст-

вий осуждения, — не может служить препятствием для распространения действия нового уголовного закона, которым те или иные деяния более не признаются тяжкими или особо тяжкими преступлениями, на правоотношения с участием лиц с погашенной или снятой судимостью, связанные с применением подпункта «а» пункта 3² статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», поскольку установленное им ограничение пассивного избирательного права является общеправовым (а не уголовно-правовым) последствием судимости.

Между тем правоприменительная практика придает названному положению в его взаимосвязи с частью первой статьи 10 УК РФ иной смысл, рассматривая их как не допускающие распространение действия нового уголовного закона, которым соответствующие деяния более не признаются тяжкими или особо тяжкими преступлениями, на граждан, в отношении которых применяется ограничение пассивного избирательного права. В результате в нарушение вытекающих из Конституции РФ принципов справедливости, юридического равенства и конституционной законности (преамбула, статьи 4, 15, 19, 120) правоприменительные органы, в том числе суды, не учитывают волю федерального законодателя, выраженную в новом уголовном законе, устраняющем или смягчающем уголовную ответственность, то есть являющемся актом, который по-новому определяет характер и степень общественной опасности тех или иных преступлений и правовой статус лиц, их совершивших (см.: *Постановление от 18 июля 2013 года № 19-П*). Это приводит к тому, что граждане, которые имели судимость в прошлом и пересмотр приговора в отношении которых на основании статьи 10 УК РФ уже невозможен, оказываются в худшем положении по сравнению с теми, у кого судимость еще не снята или не погашена.

Нормы международного права, использованные в Постановлении: Конвенция ООН против коррупции; Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности; Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию; статья 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Постановление от 15 октября 2013 года № 21-П по делу о проверке конституционности положения пункта 1 части 1 статьи 19 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201310210003; дата опубликования: 21.10.2013)

Правовые категории в Постановлении: принцип социального государства, материнство и детство, право на труд, государственная гражданская служба.

Заявитель: Верховный Суд Российской Федерации (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 1 части 1 статьи 19 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в той части, в какой на его основании допускается увольнение со службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы в связи с сокращением штатов женщин — одиноких матерей, воспитывающих детей в возрасте до 14 лет.

Позиция заявителя: По мнению Верховного Суда РФ, изменения законодательства о порядке и условиях прохождения службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, предусмотренные оспариваемым законоположением, повлекли за собой существенное снижение уровня гарантий, предоставляемых при увольнении со службы беременным женщинам и женщинам, воспитывающим детей, и необоснованную дифференциацию правового регулирования в сфере охраны материнства и детства, что свидетельствует о нарушении пунктом 1 части 1 статьи 19 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» статей 7 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 37 (часть 1), 38 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции РФ.

Итоговые выводы решения: Конституционный Суд признал пункт 1 части 1 статьи 19 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении из-

менений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не соответствующим Конституции РФ, ее статьям 7 (часть 1), 19 (часть 2), 37 (часть 1), 38 (часть 1) и 55 (часть 3), в части, предусматривающей, что в отношении сотрудников, имеющих специальные звания и проходящих службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, — одиноких матерей, воспитывающих детей в возрасте до 14 лет, не применяется часть седьмая статьи 54 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации.

Мотивы решения: Будучи одной из важнейших конституционных ценностей, институт материнства и детства требует создания системы социальной защиты, формируемой в том числе посредством установления льгот и гарантий в сфере труда в целях предотвращения возможных дискриминационных действий в отношении лиц с семейными обязанностями, независимо от сферы их профессиональной деятельности.

Законодательство, определяющее правовое положение женщин, реализующих свое право на труд путем прохождения государственной гражданской службы, не включает специальные гарантии, связанные с материнством и воспитанием детей. В то же время положений, исключающих предоставление гарантий, которые установлены законодательством Российской Федерации для женщин в связи с рождением и воспитанием детей, ни Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации», ни законодательство о государственной гражданской службе Российской Федерации в целом не содержат, то есть само по себе введение повышенной защиты для указанной категории государственных гражданских служащих рассматривается законодателем как совместимое с особенностями прохождения государственной гражданской службы. Исходя из этого, Конституционный Суд пришел к

выводу о необходимости предоставления им государственных гарантий, аналогичных предоставляемым воспитывающим ребенка в возрасте до 14 лет одиноким матерям, проходящим военную службу или службу в органах внутренних дел. Это вытекает из требований статей 7, 19 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции РФ, обязывающих законодателя осуществлять правовое регулирование на основе принципов равенства, справедливости и соразмерности и тем самым не допускающих установления различного объема гарантий для одиноких матерей, воспитывающих детей в возрасте до 14 лет и находящихся в сходной ситуации, если это не обусловлено особенностями прохождения государственной гражданской службы.

До вступления в силу Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации распространялось на сотрудников уголовно-исполнительной системы в полном объеме. Следовательно, до 1 января 2013 года при реорганизации входящих в уголовно-исполнительную систему учреждений и органов в случае невозможности использования сотрудников на службе увольнение со службы в уголовно-исполнительной системе женщин, имеющих ребенка в возрасте до трех лет, а также одиноких матерей, воспитывающих детей в возрасте до 14 лет, не допускалось (в силу части 7 статьи 54 названного Положения). Такое правовое регулирование в полной мере согласовывалось с принципом социального государства, который относится к основам конституционного строя Российской Федерации и обязывает публичную власть надлежащим образом осуществлять государственную поддержку и защиту семьи, материнства, отцовства и детства, устанавливать гарантии социальной защиты на основе общепринятых в правовом и социальном государстве стандартов и гуманитарных ценностей и обеспечивать институту семьи эффективную защиту, адекватную в том числе целям социальной и экономической политики Российской Федерации, направленной на повышение уровня рождаемости как важного условия сохранения и развития многонационального народа России (см.: *поста-*

новления от 22 марта 2007 года № 4-П и от 15 декабря 2011 года № 28-П).

Однако после принятия оспариваемого Федерального закона указанные гарантии лицам, на которых распространяется действие данного Федерального закона, не предоставляются, что ставит их в неравное положение по сравнению с теми, кто работает по трудовому договору либо проходит государственную службу иного вида или службу в органах муниципальной власти.

Между тем, как неоднократно указывал Конституционный Суд, из конституционных принципов справедливости, равенства и соразмерности вытекает обращенный к законодателю запрет вводить различия в правовом положении лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях).

Применительно к такой категории граждан, реализующих право свободно распоряжаться своими способностями к труду, как женщины, в том числе одинокие матери, воспитывающие ребенка в возрасте до 14 лет, обоснованность и разумность дифференциации условий предоставления гарантий по сравнению с другими категориями граждан требует учета не только формально-юридических критериев, но и сходства фактического положения, в котором находятся эти женщины, наряду с профессиональными обязанностями выполняющие общественно значимую функцию воспитания детей, не имея поддержки, и потому нуждающиеся в повышенной государственной защите.

Наличие определенной специфики прохождения службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы не означает, что правовое положение их сотрудников — женщин, совмещающих прохождение службы с выполнением материнских обязанностей, должно существенно отличаться от правового положения других государственных служащих. Таким образом, оспариваемое законоположение допускает нарушающую баланс конституционно значимых ценностей дифференциацию правового положения лиц, относящихся к одной и той же категории, основанную на таком формальном критерии, как сфера осуществляемой профессиональной деятельности.

Постановление от 24 октября 2013 года № 22-П по делу о проверке конституционности абзацев первого – восьмого статьи 3 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201310250009; дата опубликования: 25.10.2013)

Правовые категории в Постановлении: право на объединение в профсоюзы; свобода деятельности профсоюзов.

Заявители: Общероссийский профессиональный союз работников нефтяной, газовой отраслей промышленности и строительства; Общероссийский профессиональный союз работников государственных учреждений и общественного обслуживания Российской Федерации (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: абзацы первый – восьмой статьи 3 Федерального закона от 12 января 1996 года № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», которые содержат определения видов профсоюзных организаций, в той мере, в какой они служат основанием для решения вопроса о правомочии профсоюза самостоятельно определять свою внутреннюю (организационную) структуру.

Позиция заявителей: По мнению заявителей, положения статьи 3 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», которые содержат определения видов профсоюзных организаций, противоречат статьям 6 (часть 2), 7 (часть 2), 18, 30 и 55 (части 2 и 3) Конституции РФ, поскольку — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, — устанавливают исчерпывающий перечень структурных подразделений профсоюза и тем самым препятствуют созданию иных, не поименованных в них структурных подразделений, то есть ограничивают его право самостоятельно определять в уставе свою внутреннюю структуру.

Итоговые выводы решения: положения абзацев первого – восьмого статьи 3 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», содержащие ряд определений видов профсоюзных организаций, не соответствуют Конституции РФ, ее статьям 15 (часть 4), 30 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой эти положения рассматриваются в правопримени-

тельной практике как устанавливающие закрытый (исчерпывающий) перечень видов профсоюзных организаций и их структурных подразделений и тем самым не позволяющие профсоюзам самостоятельно, исходя из возложенных на них законом и уставами задач определять свою внутреннюю (организационную) структуру, в том числе создавать не упомянутые в данном Федеральном законе профсоюзные организации и включать в их состав структурные подразделения, необходимые, по мнению профсоюза, для его эффективной деятельности по представительству и защите социально-трудовых прав и интересов своих членов.

Мотивы решения. Исходя из норм Конституции РФ, международного права и российского законодательства, деятельность профсоюзов подчинена целям их создания. Правовая природа и статус профсоюзов как общественных объединений обуславливают их правомочие самостоятельно определять свою внутреннюю (организационную) структуру, причем таким образом, чтобы обеспечить осуществление возложенных на них законом и уставами представительства и защиты социально-трудовых прав и интересов своих членов, в том числе решать вопросы о необходимости создания конкретных структурных подразделений и закреплять в уставе соответствующие положения.

Тем самым предполагается, что создание тех или иных структурных подразделений профсоюза не носит произвольного характера, — оно в значительной степени обусловлено структурой организации-работодателя, подчинено общей цели оптимизации сотрудничества социальных партнеров и связано с решением задач, возложенных на профсоюз, представляющий и защищающий социально-трудовые права и интересы своих членов в системе социального партнерства.

В статье 3 «Основные термины» Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» приводятся значения применяемых для целей

данного Федерального закона терминов, которыми определяются возможные виды профсоюзных организаций (их статус). Включение в текст названного Федерального закона этих положений было направлено на достижение определенности и ясности правового регулирования, обеспечение единообразия в понимании соответствующих терминов, исключение возможности их произвольного использования в организационном построении профсоюзов.

Между тем, как следует из представленных Конституционному Суду РФ материалов, в 2011 году данная статья была истолкована Министерством юстиции РФ, органами прокуратуры и судами как определяющая структурное построение профсоюза, содержащая исчерпывающий перечень видов профсоюзных организаций и не допускающая возможность создания профсоюзов других видов, а также создания в их структуре не предусмотренных ею подразделений. Тем самым в правоприменительной практике положениям абзацев первого — восьмого статьи 3 названного Федерального закона был придан смысл,

расходящийся с целями, которые преследовал федеральный законодатель при их включении в данный Федеральный закон, что в нарушение требований статей 15 (часть 4), 17, 18, 30 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции РФ, а также общепризнанных принципов и норм международного права повлекло ограничение права профсоюзов — заявителей по настоящему делу самостоятельно решать вопросы, касающиеся их внутренней структуры, и признание недействительными отдельных положений их уставов.

Нормы международного права, использованные в Постановлении: пункт 4 статьи 23 Всеобщей декларации прав человека; статья 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод; пункты 1, 2 и 3 статьи 22 Международного пакта о гражданских и политических правах; подпункт «а» пункты 1 и 3 статьи 8 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах; Европейская социальная хартия (пересмотренная) от 3 мая 1996 года; статьи 3 и 8 Конвенции МОТ от 9 июля 1948 года № 87.

НОЯБРЬ • 2013

Постановление от 6 ноября 2013 года № 23-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 56 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru/>); номер опубликования: 0001201311070004; дата опубликования: 07.11.2013)

Правовые категории в Постановлении: право на социальное обеспечение; принцип свободы договора; пенсия за выслугу лет.

Заявитель: гражданин С. А. Федин (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: часть первая статьи 56 Закона РФ «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу,

службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» в той мере, в какой, предусматривая выплату пенсий лицам, на которых распространяется действие данного Закона, че-

рез учреждения (филиалы) Сберегательного банка РФ путем зачисления соответствующих сумм во вклады и предписывая определение порядка их выплаты на основе соглашений, заключаемых между федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими пенсионное обеспечение названной категории граждан, и Сберегательным банком РФ, она служит основанием для решения вопроса о возможности безвозмездного перечисления указанных сумм во вклады, открытые в других банках по выбору пенсионеров.

Позиция заявителя: По мнению С. А. Федина, часть первая статьи 56 Закона РФ «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» нарушает его конституционные права в том, что ее положения, исключая возможность выплаты пенсий, назначенных в соответствии с названным Законом, через кредитные организации по выбору получателей этих пенсий, ставят их в неравное положение при реализации права на социальное обеспечение по сравнению с иными категориями пенсионеров, которым возможность такого выбора действующим законодательством предоставлена.

Итоговые выводы решения: Конституционный Суд признал часть первую статьи 56 Закона РФ «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» не противоречащей Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования ее положения не исключают возможность перечисления Сберегательным банком РФ денежных средств, получаемых в виде пенсии лицами, на которых распространяется действие данного Закона, во вклады, открытые ими в иных банках на территории Российской Федерации по выбору самих пенсионеров, без возложения на них расходов, связанных с оплатой услуг Сберегательного

банка РФ по переводу денежных средств на счета по вкладам в других банках.

Мотивы решения. Закон РФ «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» возлагает функции по осуществлению за счет средств федерального бюджета пенсионного обеспечения лиц, на которых распространяется его действие, на соответствующие федеральные органы исполнительной власти (часть первая статьи 10 и статья 11). Переход к выплате пенсий лицам, на которых распространяется действие названного Закона, через учреждения (филиалы) Сбербанка России и предприятия связи был осуществлен во исполнение статьи 56 названного Закона и пункта 26 постановления Совета Министров — Правительства РФ от 22 сентября 1993 года № 941.

Впоследствии на Сбербанк России были возложены функции агента Правительства РФ по осуществлению на территории Российской Федерации выплаты пенсий, пособий и компенсаций лицам, на которых распространяется действие Закона. Эти функции осуществляются Сбербанком России в рамках соглашений, которые заключаются между ним и осуществляющими в соответствии с названным Законом пенсионное обеспечение указанных лиц федеральными органами исполнительной власти и могут содержать положения об оказании Сбербанком России на платной основе дополнительных услуг, перечень этих услуг, а также устанавливать размер вознаграждения, который не должен превышать 0,4 процента суммы пенсионных выплат.

Такое правовое регулирование — с учетом наличия у Сбербанка России разветвленной сети учреждений (филиалов) на всей территории Российской Федерации, что позволяет обеспечить максимальную доступность предоставляемых им услуг, — направлено на защиту интересов указанных лиц и призвано гарантировать эффективную реализацию ими конституционного права на социальное обеспечение.

Право на пенсионное обеспечение неразрывно связано с правом конкретного гражда-

нина на распоряжение начисленными и подлежащими выплате этому гражданину в качестве пенсии денежными средствами, в том числе путем их размещения во вклад в банке с целью обеспечения их сохранности и получения дохода в виде процентов по вкладу. При этом гражданин — в силу вытекающего из Конституции РФ принципа свободы договора — вправе по своему усмотрению выбирать банк в качестве контрагента по договору.

На таком подходе основывается, в частности, правовое регулирование отношений, связанных с выплатой трудовых пенсий, назначаемых в системе обязательного пенсионного страхования, и пенсий по государственному пенсионному обеспечению граждан, не относящихся к категории военных пенсионеров и приравненных к ним лиц. Аналогичная возможность, исходя из конституционного принципа равенства, должна предоставляться и пенсионерам из числа лиц, на которых распространяется действие оспариваемого Закона, на основании части первой его статьи 56, которая, устанавливая, что выплата предусмотренных данным Законом пенсий осуществляется через учреждения (филиалы) Сбербанка России путем зачисления во вклады, не предполагает тем самым зачисление причитающейся указанным лицам пенсии только во вклады, открытые в Сбербанке России, и, следовательно, не исключает возможность перечисления соответствующих сумм через его учреждения (филиалы) во вклад, открытый в другом банке по выбору самого пенсионера.

Соответственно, заключаемые между федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими пенсионное обеспечение лиц, на которых распространяется действие названного Закона, и Сбербанком России соглашения, которыми определяется порядок их взаимодействия по обеспечению выплаты назначенных указанным лицам пенсий, также не могут содержать положений, ограничивающих право данной категории пенсионеров распоряжаться причитающимися им денежными средствами путем их размещения во вклады в иных, помимо Сбербанка России, банках на территории Российской Федерации, а равно устанавливать условия реализации этого права, при которых волеизъявление гражданина — получателя пенсии на перевод соответствующих сумм в избранный им банк

было бы для него сопряжено с дополнительными финансовыми обременениями.

Исходя из этого наличие возможности включения в соглашения, регламентирующие порядок взаимодействия федеральных органов исполнительной власти со Сбербанком России по обеспечению выплаты пенсий, предусмотренных рассматриваемым Законом, положений об оказании Сбербанком России на платной основе дополнительных услуг не означает отсутствие у изъявивших соответствующее желание пенсионеров возможности разместить причитающиеся им денежные средства в виде пенсий во вклады в иных банках на территории Российской Федерации без возложения на них расходов, связанных с оплатой услуг Сбербанка России по переводу этих денежных средств по заявлениям их получателей на указанные ими счета по вкладам в избранных ими банках.

Таким образом, часть первая статьи 56 Закона РФ «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не может рассматриваться как исключаящая возможность перечисления Сбербанком России соответствующих денежных средств во вклад, открытый в ином банке по выбору самого пенсионера, а содержащееся в ней предписание об определении порядка выплаты пенсий, предусмотренных названным Законом, соглашениями, заключаемыми между федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими пенсионное обеспечение лиц, на которых распространяется его действие, и Сбербанком России, — как допускающее установление в этих соглашениях такого механизма перечисления пенсий, который предполагал бы возложение на их получателей, изъявивших желание разместить причитающиеся им денежные средства в виде пенсии во вклады в иных банках на территории Российской Федерации, расходов, связанных с оплатой услуг Сбербанка России по переводу соответствующих сумм на указанный пенсионером счет по вкладу в избранном им банке.

Постановление от 19 ноября 2013 года № 24-П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201311200026; дата опубликования: 20.11.2013)

Правовые категории в Постановлении: обратная сила уголовного закона; предварительное расследование; право на судебную защиту; право на обжалование в суде актов государственных органов.

Заявители: граждане С.А.Боровков и Н.И.Морозов (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: Предметом рассмотрения Конституционного Суда являются взаимосвязанные положения части первой статьи 10 УК РФ, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 УПК РФ постольку, поскольку на их основании на досудебной стадии уголовного судопроизводства решается вопрос о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в связи с устранением новым уголовным законом преступности и наказуемости инкриминируемого подозреваемому или обвиняемому деяния в случае, когда он возражает против прекращения уголовного дела без судебной проверки и оценки законности и обоснованности выдвигавшихся в отношении него подозрения, обвинения.

Позиция заявителей: По мнению заявителей, положения части первой статьи 10 УК РФ, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 УПК РФ допускают прекращение уголовного дела в связи с принятием уголовного закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния, без получения на то согласия лица, в отношении которого уголовное дело подлежит прекращению, и тем самым не позволяют такому лицу обжаловать в суде сам факт привлечения его к уголовной ответственности, законность и обоснованность выдвигавшихся против него подозрения, обвинения, возражать против прекращения уголовного дела по данному основанию, не предусматривают восстановление прав обвиняемого, вина которого не доказана, препятствуют реализации им права на

реабилитацию, а следовательно, не соответствуют статьям 2, 8, 15, 17 (часть 1), 18, 21 (часть 1), 23 (часть 1), 45, 46, 47 (часть 1), 49, 52, 55, 56 (часть 3), 118 (часть 1) и 123 (части 1 и 3) Конституции РФ.

Итоговые выводы решения: Конституционный Суд признал взаимосвязанные положения части первой статьи 10 УК РФ, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 УПК РФ не соответствующими Конституции РФ, ее статьям 19 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой они лишают лицо, уголовное преследование которого прекращено на досудебной стадии уголовного судопроизводства вследствие принятия нового уголовного закона, устраняющего преступность и наказуемость инкриминируемого ему деяния, возможности обжалования в судебном порядке законности и обоснованности вынесенных в ходе осуществления уголовного преследования этого лица актов органов дознания и предварительного следствия, в том числе фиксирующих выдвинутые подозрение, обвинение в инкриминируемом ему деянии, применение мер процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу, а в случае установления их незаконности и необоснованности — возможности признания за ним права на реабилитацию.

Мотивы решения. Исходя из того, что, по общему правилу, преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния, а временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий (статья 9 УК РФ), решение о прекращении уголовного дела в случае, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость соответствующего деяния были устранены новым уголовным законом, констатирует, с одной стороны, нали-

чие самого деяния, содержавшего признаки преступления, а с другой — отсутствие в таком деянии преступности и наказуемости по смыслу нового уголовного закона.

Вместе с тем применение нового уголовного закона, декриминализирующего деяние, не предопределяет правомерность или неправомерность имевшего место уголовного преследования и, следовательно, не должно влечь для преследовавшегося лица, если оно полагает выдвигавшиеся подозрение, обвинение незаконными и необоснованными, ограничений конституционных прав на судебную защиту и на восстановление нарушенных прав и законных интересов.

При этом судить о законности и обоснованности уголовного преследования можно на основании процессуальных решений, принимаемых на основе материалов, собранных с учетом стадии уголовного судопроизводства.

Соответственно, лицо, в отношении которого уголовное дело прекращено на досудебной стадии уголовного судопроизводства в связи с устранением новым уголовным законом преступности и наказуемости инкриминируемого ему деяния, должно иметь возможность путем обращения в суд реализовать свое право на судебную защиту, а суд, в свою очередь, — проверить и оценить законность и обоснованность принятых по данному делу процессуальных решений, и в случае установления фактов, подтверждающих незаконность и необоснованность уголовного преследования лица, разрешить вопрос о реабилитации, то есть восстановлении чести, доброго имени лица, опороченного неправомерными подозрением, обвинением, восста-

новлении его нарушенных прав, возмещении причиненного вреда.

В то же время законность и обоснованность действий и решений органов предварительного расследования в целом, по общему правилу, проверяются в судебном порядке после передачи материалов уголовного дела с обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением) в суд. Исключений из данного правила применительно к досудебным стадиям уголовно-процессуальный закон не содержит, допуская проверку судом в предварительном порядке лишь отдельных процессуальных действий и решений.

Таким образом, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, включая оспариваемые положения УПК РФ, отсутствует механизм, позволяющий лицу, уголовное преследование которого прекращено на досудебной стадии уголовного судопроизводства в связи с декриминализацией вменяемого ему в вину деяния, в судебном порядке обжаловать законность и обоснованность вынесенных в ходе осуществления уголовного преследования актов органов предварительного расследования, а суду в случае установления их незаконности и необоснованности решить вопрос о возможности признания за этим лицом права на реабилитацию. Следовательно, такое лицо в нарушение выраженных в Конституции РФ принципов верховенства права, законности, справедливости, гуманизма, равенства всех перед законом и судом лишается эффективной судебной защиты, а его право на защиту чести, достоинства и доброго имени недопустимо ограничивается.

Постановление от 22 ноября 2013 года № 25-П по делу о проверке конституционности статьи 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О статусе военнослужащих” и об обеспечении жилыми помещениями некоторых категорий граждан»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201311260015; дата опубликования: 26.11.2013)

Правовые категории в Постановлении: право на жилище; принцип социального государства.

Заявитель: гражданин Н. П. Терентьев (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: Предметом рассмотрения Конституционного Суда является

статья 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О статусе военнослужащих” и об обеспечении жилыми помещениями некоторых категорий граждан в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования она ставит обеспечение жильем за счет средств федерального

бюджета граждан, принятых органами местного самоуправления на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях до 1 января 2005 года, в зависимости от даты их увольнения со службы из органов внутренних дел Российской Федерации.

Позиция заявителя: По мнению заявителя, положения статьи 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О статусе военнослужащих” и об обеспечении жилыми помещениями некоторых категорий граждан» противоречат статьям 19 (части 1 и 2), 40 и 55 Конституции РФ в той мере, в какой — в силу неопределенности своего нормативного содержания, порождающей возможность их неоднозначного истолкования, и, следовательно, произвольного применения, — они препятствуют признанию за теми гражданами, уволенными со службы в органах внутренних дел после 1 января 2005 года, которые были приняты органами местного самоуправления на учет в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий в период службы, права на обеспечение жилыми помещениями в форме предоставления жилого помещения в собственность бесплатно или по договору социального найма либо единовременной денежной выплаты на приобретение или строительство жилого помещения и тем самым — реализации ими права на жилище на равных условиях с относящимися к той же категории гражданами, которые были уволены со службы до 1 января 2005 года.

Итоговые выводы решения: Конституционный Суд признал статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О статусе военнослужащих” и об обеспечении жилыми помещениями некоторых категорий граждан» не соответствующей Конституции РФ, ее статьям 19 (части 1 и 2), 40 и 55 (части 2 и 3), в той мере, в какой ее положения — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, — лишают права на обеспечение жилыми помещениями в форме предоставления жилого помещения в собственность бесплатно или по договору социального найма либо единовременной денежной выплаты на приобретение или строительство жилого помещения граждан, которые в период прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации были приняты органами местного самоуправления на учет в качестве нуждающихся в жилых по-

мещениях до 1 января 2005 года и уволены со службы после этой даты по достижении ими предельного возраста пребывания на службе, или по состоянию здоровья, или в связи с организационно-штатными мероприятиями, общая продолжительность службы которых в календарном исчислении составляет 10 лет и более.

Мотивы решения. Законоположения, аналогичные оспариваемым в настоящем деле (положения пункта 14 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих»), уже рассматривались Конституционным Судом (см.: *постановления от 5 апреля 2007 года № 5-П, от 3 февраля 2010 года № 3-П*) и были признаны им не соответствующими Конституции РФ.

Как указал Суд в настоящем деле, содержащиеся в названных постановлениях правовые позиции должны распространяться и на лиц, уволенных со службы из органов внутренних дел Российской Федерации и принятых на учет в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий органами местного самоуправления, при разрешении вопроса об обеспечении их жильем в порядке и на условиях, предусмотренных пунктом 2¹ статьи 15 и статьей 15¹ Федерального закона «О статусе военнослужащих». Это означает, что при предоставлении указанным лицам гарантий жилищного обеспечения недопустима дифференциация, осуществляемая лишь с учетом даты увольнения со службы.

Между тем, как следует из представленных Конституционному Суду материалов, при разрешении данной категории споров положения статьи 2 оспариваемого Федерального закона рассматриваются как распространяющиеся только на тех лиц, которые были поставлены на учет и уволены со службы из органов внутренних дел до 1 января 2005 года, то есть понимаются правоприменительными органами как устанавливающие дифференциацию правового положения граждан по такому основанию, как дата увольнения со службы из органов внутренних дел.

Такой подход приводит к необоснованным различиям в объеме социальных прав лиц, на которых распространяется действие оспариваемых законоположений как граждан, относящихся к одной категории, и к недопустимому ограничению их права на предоставление жилых помещений.

ДЕКАБРЬ • 2013

Постановление от 2 декабря 2013 года № 26-П по делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 4 Закона Челябинской области «О транспортном налоге»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201312090002, дата опубликования: 09.12.2013)

Правовые категории в Постановлении: социальное государство, социальная защита, налоговые льготы.

Заявитель: Законодательное Собрание Челябинской области (в порядке части 2 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 2 статьи 4 Закона Челябинской области «О транспортном налоге» в части, регулирующей предоставление налоговой льготы по транспортному налогу пенсионерам, в собственности которых находятся легковые автомобили.

Позиция заявителя: установление налоговых льгот, адресованных определенной категории налогоплательщиков, как и их отмена, относятся к дискреционным полномочиям законодателя субъекта Российской Федерации, в связи с чем заявитель просит подтвердить конституционность пункта 2 статьи 4 Закона Челябинской области «О транспортном налоге» в части, признанной Уставным судом Челябинской области не соответствующей Уставу (Основному Закону) Челябинской области.

Итоговый вывод решения: Конституционный Суд признал положения пункта 2 статьи 4 Закона Челябинской области «О транспортном налоге» в части, регулирующей предоставление налоговой льготы по транспортному налогу пенсионерам, в собственности которых находятся легковые автомобили, не противоречащими Конституции РФ.

Мотивы решения. Пунктом 2 статьи 4 Закона Челябинской области от 28 ноября 2002 года № 114-ЗО «О транспортном налоге» пенсионерам и многодетным семьям, в собственности которых находятся транспортные средства любой мощности, была предоставлена налоговая льгота по транспортному налогу в виде значительно сниженной налоговой ставки. Закон Челябинской области от 30 сентября 2008 года № 312-ЗО «О внесении изменений в статьи 2 и 4 Закона Челябинской области “О транспортном налоге”»

ограничил круг лиц, которым предоставляется данная налоговая льгота, налогоплательщиками — пенсионерами и многодетными семьями, в собственности которых находятся легковые автомобили с мощностью двигателя до 150 лошадиных сил (далее — л.с.) включительно, или мотоциклы и мотороллеры до 36 л.с. включительно.

Уставный суд Челябинской области, рассмотрев дело о проверке соответствия этих положений Закона Челябинской области «О транспортном налоге» Уставу (Основному Закону) области, пришел к выводу, что отмена налоговой льготы для определенной категории пенсионеров представляет собой отказ Челябинской области от взятых ею на себя обязательств по обеспечению социальной поддержки населения, и признал пункт 2 статьи 4 названного Закона не соответствующим Уставу (Основному Закону) Челябинской области в той мере, в какой им ограничивается право пенсионеров на налоговую льготу (Постановление Уставного суда Челябинской области от 12 февраля 2013 года).

Поскольку Закон Челябинской области «О транспортном налоге» издан по вопросу, относящемуся к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, и пункт 2 статьи 4 названного Закона не отменен Законодательным Собранием Челябинской области вопреки решению Уставного суда, данный запрос следует признать допустимым. Иное означало бы изъятие актов, принимаемых субъектами Российской Федерации по вопросам совместного ведения, из правовой системы Российской Федерации и выведение таких актов из сферы контроля Конституционного Суда РФ.

В сфере налогообложения законодатель субъекта Российской Федерации действует в пределах компетенции, которая предоставлена ему Конституцией РФ и конкретизирующим ее федеральным законодательством о налогах и сборах.

Согласно Налоговому кодексу РФ транспортный налог является региональным налогом (статья 14). Устанавливая его, законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации определяют ставку налога, порядок и сроки его уплаты; ими могут также предусматриваться налоговые льготы и основания для их использования налогоплательщиком (статья 356). Исходя из этого в Законе Челябинской области «О транспортном налоге» для отдельных категорий граждан и организаций предусмотрены налоговые льготы (статья 4).

Законодатель, осуществляя в рамках предоставленной ему дискреции правовое регулирование в сфере налогообложения, должен, прежде всего, учитывать принципы правового и социального государства, равенства и пропорциональности, которыми ограничиваются пределы его усмотрения; льготы по налогу и основания их использования налогоплательщиком могут предусматриваться в актах законодательства о налогах и сборах лишь в необходимых, по мнению законодателя, случаях; в то же время налоговые льготы не могут носить дискриминационный характер, вводить необоснованные и несправедливые различия в рамках одной и той же категории налогоплательщиков (см.: *постановления от 21 марта 1997 года № 5-П, от 28 марта 2000 года № 5-П и от 13 марта 2008 года № 5-П; определения от 5 июля 2001 года № 162-О и от 7 февраля 2002 года № 13-О*).

Внося изменения в условия предоставления налоговой льготы по уплате транспортного налога пенсионерами, имеющими в собственности легковые автомобили, законодатель Челябинской области с целью усиления адресности предоставления данной льготы воспользовался критерием мощности двигателя автомобиля, определяющей, в частности, стоимость автомобиля и расходы на его содержание. Такой подход к правовому регулированию отношений по льготному налогообложению сам по себе не может расцениваться как несовместимый с положениями Конституции РФ о социальном государстве.

В силу требований законодательства о введении в действие законов о налогах и сборах гражданам, которые до изменения право-

вого регулирования имели право на пользование налоговой льготой и утрачивают его после вступления в силу соответствующего закона, должен быть предоставлен достаточный переходный период, в течение которого они могут адаптироваться к вносимым изменениям (см.: *постановления от 30 января 2001 года № 2-П и от 2 июля 2013 года № 17-П, Определение от 1 июля 1999 года № 111-О и др.*).

Закон Челябинской области «О внесении изменений в статьи 2 и 4 Закона Челябинской области “О транспортном налоге”» соответствует указанным требованиям. Следовательно, введенным им ограничением на пользование налоговой льготой для определенной категории пенсионеров не нарушается конституционно-правовой режим стабильности налоговых отношений.

Поэтому пункт 2 статьи 4 Закона Челябинской области «О транспортном налоге» — в той мере, в какой он предоставляет налоговую льготу в виде сниженной ставки по транспортному налогу отдельной категории пенсионеров, — не может рассматриваться как нарушающий предписание Конституции о законном установлении налогов и сборов и закрепленное ею разграничение компетенции между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов. Осуществленное законодателем Челябинской области в пределах его дискреционных полномочий изменение правового регулирования отношений по льготному налогообложению не может расцениваться и как снижающее конституционно обусловленный уровень социальной защиты пенсионеров и нарушающее их имущественные права.

Соответственно, указанное законоположение не противоречит Конституции РФ и сохраняет юридическую силу. Этим не исключается правомочие законодателя Челябинской области внести изменения в действующее правовое регулирование в порядке совершенствования механизма предоставления пенсионерам — плательщикам транспортного налога налоговых льгот.

Особое мнение по данному делу представил судья Г.А.Гаджиев (см. в настоящем номере: С. 98—105).